

вполне соответствует традициям петербургской исторической школы. При желании в работе можно найти и некоторые нестыковки, а также неосторожные и не вполне удачные формулировки, но в целом монография А.С. Пученкова является важной вехой в исследовании национального вопроса и Гражданской войны в России.

А.Э. Котов

Примечания

¹ Московские ведомости. 1866. № 24.

² Щербальский П.К. Русско-польский вопрос // Русский вестник. 1861. № 11. С. 29.

³ Черняев В.Ю. О факторах формирования взаимоотношений русских беженцев и изгнанников с властями и населением приютивших стран // Нансеновские чтения. 2007. СПб., 2008. С. 142.

И.Ю. Васильев. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2010. 164 с.

Монография И.Ю. Васильева посвящена малоизученной проблеме – украинскому национальному движению и украинизации на территории РСФСР в первой трети XX в. Известно, что в основу советской национальной политики 1920-х гг. был положен принцип коренизации, позволивший вовлечь местное население национальных республик СССР в работу партийно-государственного аппарата, административно-судебных органов и культурно-просветительных учреждений страны. Одним из региональных вариантов коренизации (наряду с белоруссизацией, мордвинизацией, татаризацией и т.п.) стала украинизация в РСФСР в 1923–1932 гг. Она представляла собой целостную систему мероприятий, направленных на решение украинского вопроса в республике. Именно в это время советская власть признала малороссийское население, проживавшее на территории Кубани, южных уездов Курской и Воронежской губерний, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока, отдельным от русских украинским национальным меньшинством. Васильев в своей работе рассматривает украинизацию на Кубани как целенаправленную государственную политику по формированию украинской идентичности (с. 4), предполагавшую, в частности, широкое использование украинского языка и культуры как в области школьного образования, просвещения и науки, так и в сфере государственно-административного управления. Автор поставил целью исследовать, начиная с Февральской революции 1917 г. (когда украинское национальное движение уже

вышло за рамки бывших малороссийских губерний страны), процесс столкновения идентичностей – общерусской основной массы населения Кубани и украинской, навязывавшейся узкой, но активной социальной группой из среды украинофильской казачьей интеллигенции (с. 3).

Васильев выделяет четыре этапа советской украинизации на территории Кубани. На первых трёх этапах (1920–1928 гг.) украинизация проводилась только лишь в сфере деятельности образовательных и культурно-просветительских учреждений «с целью повышения эффективности культурно-политической работы со станичниками Кубани» (с. 26). Началась она с признания необходимости обучения и пропаганды на родном, понятном для местных жителей языке, для чего стали создаваться украинские начальные школы, красные уголки, избы-читальни. Четвёртый, заключительный, этап (1928–1932 гг.), когда происходила украинизация делопроизводства низового советского и административного аппарата власти, Васильев характеризует как «сплошную украинизацию» (с. 41): «Начиная с 1928 г. украинизация принимает всё более агрессивные формы, становится принудительной и всеобщей для Северо-Кавказского края» (с. 24). Как подчёркивает автор, «очень активная, подчас насильственная украинизация всех сфер жизни на Кубани» подстёгивалась властью в 1930 и осенью 1932 г. (с. 106).

В историографическом очерке Васильев охарактеризовал работы по данной проблеме, вышедшие на Кубани за

последние 20 лет. Однако, видимо, будучи убеждённым в том, что «украинизация на Кубани была не нужна подавляющему большинству населения» (с. 109), он не указал труды, в которых отражена противоположная точка зрения (исключение – работы украинских историков С.В. Кульчицкого¹ и Д.Д. Белого²). Не упоминается о книге З.С. Островского, в которой была сделана первая попытка всестороннего анализа истории украинизации в РСФСР, в том числе и на Кубани³. Автор проигнорировал кандидатскую диссертацию О.В. Алдакимовой, которая подробно исследовала украинизацию образования в Кубанском округе, рассмотрев историю создания, развития и ликвидации школ для украинского национального меньшинства⁴. Такой выборочный подход и односторонний взгляд историка на рассматриваемую проблему значительно снижает как научную ценность его исследования (основанного на внушительном материале дореволюционных и советских фондов архивов Краснодар и Ростова-на-Дону), так и объективность его выводов.

В первой главе монографии, охватывающей 1917–1920 гг., характеризуется законодательная деятельность Кубанской рады по развитию украинского языка и культуры. Автор обращает внимание на связи края с независимой Украиной: его представители входили в Центральную раду Украины, а весной 1918 г. велись переговоры о присоединении к ней Кубани на федеративной основе. Васильев вполне справедливо считает, что в массе простых станичников «самостийничество» воспринималось не как осмысленное стремление к национальной независимости, а как желание отгородиться от большевистской власти, которая покушалась на традиционные права и привилегии кубанского казачества как военного служилого сословия. Поддержка украинофилов и самостийников базировалась, в первую очередь, на стремлении кубанских казаков развивать местное хозяйство и образование. При этом в казачьей среде не имелось антирусских настроений и желания отделиться от остальной России: «К лозунгам национальной независимости и солидарности с Украиной население было в целом безразлично» (с. 94).

Следует заметить, что схожая ситуация наблюдалась и в Центральном Черноземье, где часть южных и юго-западных уездов Курской и Воронежской губерний с преобладавшим украинским составом населения присоединили к Украинской державе гетмана П.П. Скоропадского. В 1918 г., в условиях набравшей обороты Гражданской войны и масштабного социально-экономического кризиса, нерешённых продовольственной и аграрной проблем, появление украинских школ, курсов по изучению украинского языка и литературы, кафедр украиноведения было, как представляется, явлением второстепенным и во многом искусственно созданным украинским правительством.

После установления большевистской власти на Кубани началась советская украинизация. Заслуживает внимания тезис автора о том, что основная причина её проведения – стремление власти «ударить по казачьим сословным представлениям местных жителей». Так как социальная база большевиков оказалась здесь слабой, и особое опасение вызывало сословное самосознание казачества, то «его во многом и собирались подменить национально-украинским» (с. 28). Соответственно, украинизация должна была также примирить казаков с украиноязычными представителями других социальных групп, в основном – батрачества. Как отмечает Васильев, именно поэтому советские власти оказывали поддержку украинофилам и украинским активистам, представленным в основном сельской интеллигенцией, которую в той или иной мере поддерживала значительная часть станичного населения Кубани. К сожалению, этот тезис автор не подтвердил документально. Вместе с тем он подчеркнул, что украинизация напрямую увязывалась с советизацией: «Она использовалась как повод для внедрения советской власти и идеологии в повседневную жизнь сельских кубанцев... Культурно-пропагандистские мероприятия (на украинском языке. – Д.К.) должны были существенно облегчить слом традиционного уклада жизни» (с. 26).

На мой взгляд, автору следовало бы более чётко отделить украинизацию, проводившуюся в период существования Кубанской Рады, от более поздней – со-

ветской. Хотя это были во многом взаимосвязанные процессы, тем не менее мероприятия центральной власти на первом этапе советской украинизации зачастую воспринимались руководителями на местах как петлюровщина и контрреволюция. Документы Совета по просвещению национальных меньшинств (Совнацмена) Наркомпроса (НКП) РСФСР тех лет свидетельствуют о главном препятствии на пути украинизации: «Ввиду прошлой политики царского режима украинская национальность не была признана, определялась названием “мазепинства”, “сепаратизма”, “самостийничества” и прочее», а вопрос о создании украинской школы являлся «новым и не всегда правильно понятым явлением революции»⁵. В одном из проектов циркулярных писем и распоряжений Совнацмена областным и губернским отделам народного образования за 1922 г. говорилось: «Культурно-просветительные стремления украинского населения считаются шовинизмом, сепаратизмом и пр. Ввиду вышеизложенного НКП считает себя обязанным указать областным и губернским отделам народного образования, в пределах которых живут украинцы (под названием хохлов, малороссов, казаков), на необходимость устранения отрицательного отношения к культурно-просветительным нуждам украинского населения и принять меры к созданию нормально-правильных условий работы»⁶.

В главах 2–6 монографии рассматриваются различные направления процесса украинизации на Кубани: в сфере языка, культуры, науки и образования, а также административно-территориальные изменения и кадровая политика. Автор считает, что если в период Гражданской войны украинизация системы образования «носила во многом рекомендательный характер, развивалась или блокировалась по желанию населения» (с. 74), то при советской власти остро проявились такие её особенности, как директивность, принуждение, бюрократизм, наделение людей привилегиями по национальному и классовому признакам. Достаточно спорным, на мой взгляд, представляется вывод Васильева о том, что украинизация образования, особенно школьного, отличалась несоответ-

ствием вложенных средств и усилий и тех относительно незначительных результатов, которых она добилась. Автор не учёл тот немаловажный факт, что украинскую школу приходилось создавать с нуля, т.е. находить соответствующие помещения, учителей, знающих украинский язык, разрабатывать программы и учебники, готовить педагогические кадры для начальной школы (школа 1-й ступени) и школ «повышенного типа» (школа 2-й ступени, семи- и девятилетка) и т.д.

Довольно любопытной является глава 7 «Восприятие населением политики украинизации», в которой автор даёт подробную и аргументированную характеристику этнодемографической ситуации на Кубани. По его мнению, на рубеже XIX–XX вв. в крае сложилось двуязычие, этничность украинцев из числа черноморских казаков эволюционировала по схеме «украинцы – кубанские казаки – кубанские казаки, русские». Украинская культура черноморских казаков, изначально предрасположенная к слиянию с родственными культурами, особенно русской, к началу XX столетия во многом потеряла свою национальную специфику, постепенно консервируясь и переставая развиваться. Кубанская балачка с её множеством украинизмов становится диалектом русского языка (с. 88). В это время складывалось единое кубанское казачество как субэтнос русского народа. Вместе с тем процессы ассимиляции становились всё более интенсивными, что было связано с воинской службой казаков, официальным делопроизводством и школьным образованием, где господствовал русский язык. «Постепенная русификация украинцев Кубани происходила не вследствие насильственной ассимиляции, – пишет Васильев, – а по причине естественной эволюции этнической культуры и самосознания представителей близких друг другу этносов» (с. 99). Более того, несмотря на «проукраинское» давление советской государственной машины в период проведения украинизации на Кубани, значительная часть людей продолжала отстаивать свой выбор в пользу русской культуры. Автор приходит к выводу, что после проведения коллективизации и в результате более тесного соприкосновения

селян с государственным русским языком процесс обрусения Кубани практически завершился. Однако большинство населения края воспринимало свою этническую идентичность как промежуточную между русской и украинской. Многие называли себя «кубанскими хохлами»: «Мы усе хохлы. Не то русские, не то украинцы» (с. 90).

На мой взгляд, дело в том, что данная политика проходила на фоне двух взаимоисключающих процессов: с одной стороны, начавшихся с конца XIX в. ассимиляции и русификации, а с другой – формирования украинской нации и украинского национального самосознания. Однако последний процесс был ещё очень далёк от своего завершения. Как справедливо заметил по этому поводу А.В. Марчуков, «“украинцев” ещё предстояло создать, ещё предстояло внушить населению Малороссии, Новороссии, Волины, Подолья, Слобожанщины, Приазовья украинское национальное сознание, распространить украинскую идентичность»⁷.

Кстати, аналогичная ситуация наблюдалась в то время не только на Кубани, но и в других регионах России, где проживали малороссы, в частности, в губерниях Центрального Черноземья и Нижнего Поволжья. Так, например, в сентябре 1925 г. из Москвы в Нижнее Поволжье направили заведующего Центральным украинским бюро Совнацмена НКП П.С. Шафрана, по инициативе которого при Саратовском и Царицынском губисполкомах были созданы специальные комиссии по изучению украинского вопроса. Одна из комиссий во главе с Шафраном «открыла глаза» губернским властям на то, что «малороссы это и есть украинцы», поэтому и необходимо проводить среди них украинизацию. Шафран, выступая с докладом на совещании Красноярского волисполкома Саратовской губ., заявил: «Украинцы или малороссы являются также национальным меньшинством на территории РСФСР... тот взгляд, который существует, что украинцы на Украине, ошибочен, и что украинцы живут не только на Украине, но, в частности, и в Саратовской губернии»⁸.

Отказ от украинизации Прохоровской волости Белгородского уезда Курской губ., где по переписи 1926 г. числилось

49.39% украинцев, уездные власти объясняли тем, что украинцы эти являлись таковыми лишь на бумаге, «фактически же все они настолько обрусели и из поколения в поколение настолько свыклись с русской речью, что последняя каждому украинцу стала родной речью, тогда как чисто украинская литературная речь совершенно чужда и непонятна... Практикуемая населением в общегиттий речи Слободской Украины мало имеет общего с литературным украинским языком. Терминов последнего украинское население волости без пропуска его полностью через серьёзную украинскую школу никогда не усвоит. Да и в школе язык этот может быть усвоен не легче, чем какой-либо иностранный, например, немецкий, так как терминология того и другого одинаково незнакома. Разница лишь только в том, что последний изучался бы с охотой»⁹. В одной из докладных записок областной комиссии, проводившей в Центральном Черноземье проверку выполнения директив о ходе украинизации (май 1930 г.), указывалось, что были нередки случаи, когда граждане, украинцы по происхождению, принимали постановления против проведения украинизации (село Богдановское Новохопёрского района) или относились к этому вопросу с иронией, считая себя суржиками или перевертнями, которые ничего общего не имеют с украинцами¹⁰.

Причины свёртывания украинизации на Кубани И.Ю. Васильев вслед за Е.Ю. Борисёнок¹¹ видит в том, что эта политика не привела к изживанию национальных конфликтов, а наоборот, обострила их. Так, к 1932 г. среди украинцев значительно возрос шовинизм, проявлявшийся в виде русофобии и антисемитизма. По мнению автора книги, украинские активисты, особенно из числа коммунистов, в случае дальнейшего укрепления своего влияния могли стать самостоятельными от центральной власти и потому опасными для неё. Васильев приводит примеры и несоветской украинизации, когда на Кубань приезжали работать украинские националисты из УССР и польской Галиции. Вместе с тем учёный приходит к выводу, что несмотря на все трудности, программа украинизации успешно реализовывалась: «В ряде населённых пунктов

на украинский язык было полностью или частично переведено официальное делопроизводство. Были созданы сотни украинских школ, выпускались украиноязычные газеты и журналы. В некоторых населённых пунктах, таких как станица Полтавская и хутор Батуринский, украинизация нашла поддержку у населения» (с. 108).

В целом, на мой взгляд, автору скорее удалось показать украинизацию как процесс, направленный на формирование у населения Кубани украинского самосознания средствами государственной власти, нежели как столкновение общерусской и украинской национальной идентичностей в этот период. Он подробно проанализировал целостную систему мероприятий органов центральной и местной власти, которая была направлена на решение украинского вопроса на Кубани: создание украинских школ и культурно-просветительных учреждений, украинизацию делопроизводства низового советского и административного аппарата и т.д. Васильев показал политику украинизации сквозь призму восприятия её активными сторонниками и непримиримыми противниками.

Вместе с тем вызывает недоумение сугубо эмоциональное, оценочное суждение автора в конце книги: «На счету советской власти есть свои подвиги и свои преступления. Украинизация явно относится к категории последних» (с. 109). На мой взгляд, такого рода безапелляционное заключение ставит вообще под сомнение объективность и беспристрастность авторской оценки происходивших на Кубани в годы советской власти процессов национально-культурного строительства.

Следует также обратить внимание на тот факт, что в небольшой по своему объё-

му монографии содержится масса разного рода опечаток и неточностей, а интересные информативные документы местных архивов, представленные Васильевым в приложении, не прошли должной археографической обработки.

И всё же, несмотря на все недостатки, монография И.Ю. Васильева по-своему ценна, так как подобного рода издания, посвящённые истории украинцев России, пока ещё редкость. Она будет особенно интересна специалистам, изучающим проблемы национального вопроса и советской национальной политики 1920–1930-х гг., и прежде всего – российским украинистам.

К.С. Дроздов

Примечания

¹ Кульчицкий С.В. Курс – украинизация // Родина. 1999. № 8. С. 108–110; он же. Смертельный водоворот. Рождение и гибель украинской Кубани // www.day.kiev.ua/178897 (март 2008 г.)

² Білий Д.Д. Малиновий клин: Нариси з історії українців Кубані. Київ, 1994.

³ Островский З.С. Проблема украинизации и белоруссизации в РСФСР. М., 1931.

⁴ Алдакімова О.В. Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 гг.: Дис. ... канд. пед. наук. Сочи, 2004.

⁵ ГА РФ, ф. А-296, оп. 1, д. 30, л. 3–3 об.

⁶ Там же.

⁷ Марчуков А.В. Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930-е годы: цели, методы, результаты. М., 2006. С. 26.

⁸ ГА РФ, ф. Р-1235, оп. 120, д. 36, л. 204.

⁹ Там же, оп. 123, д. 199, л. 215 об; 67.

¹⁰ Там же, л. 67.

¹¹ См.: Борисёнок Е.Ю. Укрепление сталинской диктатуры и поворот в национальной политике на Украине (1930-е годы) // Отечественная история. 2003. № 1. С. 162–168.